

Екатерина Махотина

Nataliya Danilova. The Politics of War Commemoration in the UK and Russia. Houndmills, UK: Palgrave Macmillan, 2015. 256 pp. ISBN 978-1-137-39570-2.

Екатерина Махотина. Адрес для переписки: Universität Bonn, Geschichte Osteuropas, Adenauerallee 4-6, 53113, Bonn, Germany. machitch@yahoo.de.

Культура памяти о Второй мировой войне в России неоднократно была объектом исследования и в западной, и в российской историографиях. До сих пор классической работой по этой теме считался труд Нины Тумаркин «Жизнь и смерть: Взлет и падение культа Второй мировой войны в России», вышедшая в 1994 году (Tumarkin 1994). В ней автор рассматривала память о войне в Советском Союзе и России исключительно как политический проект, оставляя без внимания общественные и социальные инициативы коммеморации этого события «снизу». Существующие на сегодняшний день исследования исторической памяти стремятся избежать такой односторонней точки зрения и интерпретируют коммеморативные практики через призму интересов многих задействованных в их создании агентов: ветеранов вооруженных конфликтов, гражданских организаций, местных сообществ (Paxson 2005; Edele 2008; Oushakine 2009). Такой подход позволяет скорректировать устоявшиеся положения об эксклюзивности советской памяти о войне и о жесткой оппозиции власти и общества, ставшие общим местом многих исследований на эту тему (Lane 1981; Бордюгов 2010; Kusber and Jaworski 2011).

В этом смысле весьма примечательна работа группы исследователей, изучавших особенности празднования Дня Победы в разных странах Европы. Предложенный ими подход позволил отчетливо различить агентов, участвовавших в развитии форм праздничного ритуала в той или иной стране, а также сравнивать между собой национальные модели коммеморации («9 мая. Почти 70 лет спустя» 2015; Gabowitsch, Gdaniec, and Makhotina forthcoming).

Долгое время идеализация военного опыта страны и включение памяти о нем в арсенал политических инструментов государственной власти рассматривались в литературе исключительно как российский случай и противопоставлялись опыту европейских стран (Wood 2011). Эти положения подвергает сомнению Наталия Данилова в монографии «Политика военной коммеморации в Великобритании и России». Проанализировав практики воспоминания о Второй мировой войне и военных конфликтах в России и Великобритании после 1945 года, она приходит к важному и неожиданному выводу об их удивительной схожести. Ни различные политические режимы (демократия vs. авторитарная система), ни типы армий (добровольная vs. обязательная военная служба) не меняют значения памяти о войнах и погибших солдатах. И в России, и в Великобритании эта память является мощным политическим ресурсом, а практики коммеморации этих событий оказались схожими по форме и содержанию (с. 210).

Главный исследовательский вопрос монографии сформулирован следующим образом: каким образом военный опыт страны используется для усиления националистических и провоенных настроений (с. xi)? В поисках ответа на него автор обращается к прессе, освещавшей военные конфликты, историям создания военных мемориалов, а также к ритуалам и церемониям, посвященным памяти о войнах в двух странах.

Несмотря на то, что в центре внимания исследования находится официальная *политика памяти* (*politics of commemoration*) в отношении вооруженных конфликтов, в не меньшей степени автора интересует и ее перцепция в российском и британском обществах. В своих размышлениях автор опирается на теории культурной памяти Мориса Хальбвакса и Алеиды Ассманн, апеллирует к политическому культу павших, разработанному Джорджем Моссе (Mosse 1990) и Джей Винтер (Winter 1995), ссылается на наблюдения Морриса Яновитца (Morris Janowitz) о специфике военной культуры, а также более современные концепты ивентизации (от англ. *event* – «событие») и эмоционализации памяти (Krote and Paletschek 2009; Oushakine 2013) – под этим подразумевается новая мемориальная форма публичного театрализованного действия. Автор убедительно показывает, что в инструментализации памяти задействованы не только политические агенты, но и армия, государство и гражданское общество. Таким образом, методический синтез позволяет автору исследовать взаимодействие интересов отдельных групп в коммуникации военного опыта.

Монография поделена на два тематических блока – британский кейс (главы 2, 3, 4) и российский (главы 5, 6, 7). Кроме этого, в книге есть теоретико-методическая вводная глава и заключение. В первой части книги читателям открывается панорама государственного вмешательства в политику освещения войн и военных конфликтов. Речь идет о Фолклендской войне (1982), военных кампаниях в Персидском заливе (1990–1991), в Афганистане (2001–2014) и Ираке (2003–2009). Автор показывает, что требование родственников о возвращении останков погибших для перезахоронения на родине, равно как и широкая антивоенная риторика в СМИ, нередко спровоцированная информацией о случаях, когда военные открывали огонь «по своим», влияли на официальный британский дискурс о войнах и воздействовали на практики коммеморации. При таких обстоятельствах в центре официального дискурса оказывались не воспоминания о *войне*, но память о *службе* и *военном долге*. Попытки британского политического руководства представить смерть солдат в военных кампаниях, проводившихся на территории других государств, в деполитизированной, деконтекстуализированной форме, то есть говорить о смерти на войне, не называя ее причин, нашли поддержку не только у военного руководства, но и у ветеранов, семей и близких погибших (с. 51–52).

Погибшие в военных кампаниях второй половины XX века британские солдаты описывались в прессе как продолжатели дела своих «славных предков». Эта преемственность памяти о военных конфликтах нашла отражение в тематике военных мемориалов и памятников Великобритании. Как правило, убитых в ходе вооруженных конфликтов на территории других государств британских солдат хоронили на мемориальных кладбищах вместе с участниками Первой и Второй мировых войн.

Описывая Национальный мемориал Арборетум (National Memorial Arboretum) в северном Стаффордшире, самый известный британский мемориальный комплекс, автор исследования отмечает, что надписи на памятниках отражают незначительные различия в целеполагании солдатской смерти, не меняют ее смысла по существу. Так, если участники Первой мировой войны описываются в них как добровольно павшие за свое отечество, то погибшие в Афганистане и Ираке «были убиты, мужественно исполняя свой долг» (с. 62). Коммеморативные практики, проанализированные автором исследования на примере мемориала Арборетум, кажутся универсальными и отражающими глобальные тенденции увековечения погибших во всем мире.

Официальные мемориалы, созданные, чтобы увековечить память о выполнении солдатского долга и поддержать «национальный военный миф» (с. 58), в настоящее время превращаются в места памяти, используемые в разных целях: для индивидуальной скорби, патриотических церемоний и даже развлечений. Они не только поддерживают официальный проект национальной идентичности, но и отвечают потребностям общества – как в скорби, так и в потреблении (с. 77).

Исследователям исторической политики России будет интересна четвертая глава книги, в которой Наталия Данилова уделила большое внимание осуществляемой властями в Великобритании инструментализации памяти. Знакомство с образовательными и военно-патриотическими инициативами Гордона Брауна и Дэвида Камерона наверняка вызовет эффект дежавю у критиков аналогичных явлений в России. Усилия британских властей, направленные на популяризацию распространенной в Британии практики носить на одежде (обычно – в петлице) красный мак (искусственный или настоящий цветок) как символ памяти жертв войн в день перемирия 11 ноября, не может не вызвать ассоциации с георгиевской ленточкой, ставшей атрибутом памяти о Второй мировой войне. Лозунг введенного в 2009 году британским правительством Дня Военных сил (Armed Forces Day) «Я поддерживаю!» (с. 92) очень напоминает знакомый россиянам «Я помню! Я горжусь!».

Во второй части монографии, посвященной России, автор избирает схожие с предыдущим случаем объекты анализа, и это упрощает их сравнение. Исследователя интересует освещение афганской (1979–1989) и двух чеченских кампаний (1994–1996, 1999–2009) в российских СМИ, история военных мемориалов, программы патриотического воспитания, ритуалы и торжества в День Победы.

Автор пишет, что, после недолгого «интермеццо» в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда факт гибели советских солдат в «необъявленной» афганской войне использовался журналистами и политиками для делегитимации советской системы, начиная с 2000-х годов политическая элита все чаще стала придавать этим событиям иной смысл. Как и в случае с увековечением памяти о войнах в Великобритании, российские политики апеллировали к теме долга в большей степени, чем к смыслу и характеру военной кампании, что вызвало деконтекстуализацию памяти. То же происходило и с репрезентацией чеченских войн. Они стали частью националистического проекта памяти о постсоветском прошлом. При этом память об участии советских войск в военной кампании в Афганистане оказалась

для общества весьма травматичной не только в силу объективных обстоятельств (больших потерь), но в первую очередь из-за табуирования этой темы в советские годы и исключения погибших в Афганистане из официального мартиролога культурной памяти. Эта особенность обусловила и форму военных мемориалов павшим воинам в Афганистане и в Чечне. Данилова показывает (отмечу, что книга отлично проиллюстрирована), что, если иконография монументов представляет солдат одновременно как *героев* и *жертв* военных операций, то надписи на памятниках «очеловечивают» погибших, лишая мемориалы нарочитого героического пафоса. Это нашло воплощение, например, в языке эпитафий: в них писали о «земляках», «исполнивших служебный долг», но не о «героях», как это было принято на советских памятниках солдатам Великой Отечественной войны (с. 158).

Подобный излом в исторической связи времен, по мнению автора, отличает российские практики увековечения павших от британских. Если в Великобритании мемориалы Первой и Второй мировых войн являются местом памяти для поминовения *всех* павших солдат, то в России солдаты разных войн обычно имеют разные мемориальные площадки. Впрочем, – и здесь я не соглашусь с автором – в небольших российских городах, например, в Липецке, монументы «афганцам» размещены на военных мемориалах, посвященных Великой Отечественной войне.

Для иллюстрации многообразных российских практик по увековечиванию памяти погибших Данилова обращается к истории «русского Арлингтона» – Федерального военного мемориального кладбища в Мытищинском районе Московской области. Главное военное кладбище страны было заложено одновременно с открытием британского военного мемориала Арборетум в северном Стаффордшире. Как и в Стаффордшире, мемориальное кладбище под Москвой должно было стать не только местом скорби для родных и близких погибших солдат, но предназначалось также для официальных церемоний, религиозных обрядов и различных военно-патриотических образовательных проектов (с. 169).

Последняя из глав, в которых разбирается российский материал, посвящена анализу Дня Победы (9 мая) в контексте общей исторической политики России 2000-х годов. По мнению автора, официальные церемонии, которые проводятся в День Победы, используются властями для консолидации российского общества, обоснования национальной гордости и патриотизма, а также для улучшения репутации российских Вооруженных сил. Популярности праздника способствуют не только нововведения в его сценарии (такие как элементы карнавала и шоу), но и потребность общества в объединяющем россиян «месте памяти», каким стала память о Великой Отечественной войне. При этом, как подчеркивает автор, празднование Дня Победы никогда не ограничивалось исключительно официальными мероприятиями. Например, такая общественная инициатива, как шествие с портретами воевавших родственников (получившее название «Бессмертный полк»), нашла отклик у многих россиян. Надо отметить, что автор лишь касается этой темы, оставляя ее подробный анализ для дальнейшего изучения.

Итак, исследование Наталии Даниловой показывает, что память о войнах и военных кампаниях играет большую роль в общественной и политической жизни двух стран. Несмотря на то, что цели политической инструментализации памяти в

России и Великобритании отличаются (в России память должна способствовать росту патриотизма, а в Великобритании – противодействовать общественной критике Вооруженных сил и улучшать имидж армии в обществе), средства, с помощью которых происходит «вписывание» этих болезненных событий в национальные контексты, весьма схожи. И в России, и в Великобритании история конфликтов затмевается рассказами о выполненном погибшими солдатами долге. И в этом смысле память о войнах в Европе имеет гораздо больше общего, чем пытаются представить современные политические деятели в России и на Западе. В целом же выбранная автором сравнительная перспектива и синтез политической и социальной памяти дают читателю обильную пищу для размышлений и свидетельствуют о потенциале *memory studies* для исследования современных обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бордюгов, Геннадий. 2010. *Октябрь, Сталин, Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти*. М.: АИРО-XXI.
- «9 мая. Почти 70 лет спустя». 2015. Специальная рубрика, *Неприкосновенный запас* 3(101). Просмотрено 30 марта 2016 г. (<http://magazines.russ.ru/nz/2015/3>).
- Edele, Mark. 2008. *Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: Oxford University Press.
- Gabowitsch, Mischa, Cordula Gdaniec, and Ekaterina Makhotina, eds. Forthcoming. *Kriegsgedenken als Event: Der 9. Mai 2015 im postsozialistischen Europa*. Paderborn, Germany: Schöningh Verlag.
- Krote, Barbara, and Sylvia Paletschek, eds. 2009. *History Goes Pop: Zur Repräsentation von Geschichte in populären Medien und Genres*. Bielefeld: Transcript-Verlag.
- Kusber, Jan, and Rudolf Jaworski, eds. 2011. *Erinnern mit Hindernissen: Osteuropäische Gedenktage und Jubiläen im 20. und zu Beginn des 21. Jahrhunderts*. Münster, Germany: LIT-Verlag.
- Lane, Christel. 1981. *The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society; The Soviet Case*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mosse, George. 1990. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford: Oxford University Press.
- Oushakine, Serguei Alex. 2009. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Oushakine, Serguei Alex. 2013. "Remembering in Public: On the Affective Management of History." *Ab Imperio* 1:269–302.
- Paxson, Margaret. 2005. *Solovyev: The Story of Memory in a Russian Village*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.
- Tumarkin, Nina. 1994. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books.
- Winter, Jay. 1995. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wood, Elisabeth A. 2011. "Performing Memory: Vladimir Putin and the Celebration of WWII in Russia." *Soviet and Post-Soviet Review* 38(2):172–200.